Положеніе народныхъ учителей

(Оттискъ изъ «Жизни», № 6.)

014
28

I

На предстоящихъ рождественскихъ каникулахъ устраивается въ Москвѣ съѣздъ представителей обществъ взаимнаго вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Опубликованная въ газетахъ программа этого съѣзда заключаетъ въ себѣ по большей части тѣ вопросы, которые входятъ въ кругъ занятій указанныхъ обществъ, объединяющихъ собою главнымъ образомъ учащихъ въ начальныхъ школахъ. Таковы вопросы о матеріальномъ положеніи учащихъ, о доставленіи учащимъ и ихъ семействамъ болѣе дешевыхъ и удобныхъ условій жизни, о содѣйствіи учащимъ въ пріисканіи имъ занятій, о поддержаніи здоровья учащихъ, объ обезпеченіи учащихъ въ случаяхъ оставленія службы и инвалидности, объ источникахъ и способахъ изысканія средствъ для существованія и дѣятельности обществъ взаимопомощи. Есть въ этой программѣ и такіе вопросы, относительно которыхъ является сомнѣніе, чтобы они принадлежали къ «кругу дѣятельности» учительскихъ обществъ взаимопомощи, какъ этотъ кругъ очерченъ правительственнымъ «нормальнымъ» уставомъ, тяжелымъ свинцомъ висящимъ надъ огромнымъ большинствомъ обществъ. Таковъ, напр., вопросъ о помощи учащимъ въ дѣлѣ ихъ образованія: и въ «нормальномъ» уставѣ этого вопроса нѣтъ, и на практикѣ всякіе «члены правленія по назначенію отъ учебнаго вѣдомства» и другіе «члены-соревнователи» изъ начальства—директора и инспектора народныхъ училищъ ревниво не допускали

учительскія общества заниматься этимъ вопросомъ, хотя бы въ скромной формѣ устройства при обществѣ библіотеки. Таковъ же вопросъ и объ юридическомъ и обще-гражданскомъ положеніи учащихъ. Про него апріори можно сказать, что онъ слишкомъ дерзко-широкъ для какихъ бы то ни было самодержавныхъ нормальныхъ уставовъ.

Помѣщеніе въ программѣ *вопросовъ, подобныхъ* послѣднимъ, показываетъ, что учредители съѣзда одержимы похвальнымъ либеральнымъ намѣреніемъ посильно раздвинуть рамки дѣятельности устраиваемаго учительскаго съѣзда. Съ тою же, очевидно, цѣлью почти повсюду, послѣ каждаго перечисленія отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ программы, разставлены скромныя словечки: *и т. д., и т. п., и пр.* И этими, вѣдь, маленькими невинными средствами у насъ не приходится брезговать при попыткахъ выскочить изъ заколдованнаго «круга дѣятельности».

Съ своей стороны, министерство народнаго просвѣщенія, разрѣшившее съѣздъ, тоже приняло свои мѣры. Оно назначило отъ себя особыхъ наблюдателей на съѣздъ, съ правомъ требовать отъ предсѣдателя закрытія рта любому члену, съ правомъ превращенія *публичныхъ собраній* въ закрытыя,—участія въ распорядительномъ комитетѣ съѣзда и пріостановки всякаго его рѣшенія, съ правомъ даже закрытія съѣзда «въ случаѣ безпорядковъ». Попечитель московскаго учебнаго округа можетъ устранить должностныхъ лицъ съѣзда и нежелательныхъ членовъ распорядительнаго комитета. Министерство финансовъ тоже, съ своей стороны, по товарищески помогло министерству просвѣщенія нагадить съѣзду, отказавъ въ просьбѣ относительно предоставленія какихъ-либо льготъ по проѣзду на съѣздъ лицъ учительскаго званія. Такимъ образомъ, правительство не рѣшилось на этотъ разъ ограничиться обычной своей ролью по отношенію къ подобнымъ съѣздамъ,—ролью скрытаго недоброжелательства, предоставляя, обыкновенно, съѣхавшимся умѣренно «выбалтываться», а потомъ оставляя всякія постановленія и ходатайства съѣздовъ безъ всякаго послѣдствія.

Очевидно, страхъ передъ нынѣшнимъ безпокойнымъ временемъ и опасеніе всякихъ демонстрацій и

тутъ проявили себя и заставили правительство снабдить учительскій съѣздъ особыми казенными церберами.

Какъ бы тамъ ни было, однако для всѣхъ, кто хоть нѣсколько знакомъ съ жалкимъ, безправнымъ положеніемъ учительскихъ обществъ взаимопомощи, съ безцеремонно-презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ всякаго начальства,—разрѣшеніе всероссійскаго съѣзда представителей этихъ забитыхъ обществъ является въ высшей степени характернымъ. Одну изъ причинъ такого великодушнаго поступка министерства народнаго просвѣщенія слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать въ томъ обстоятельствѣ, что въ послѣднее время учащіе въ начальныхъ школахъ все чаще и чаще начинаютъ попадаться—и не только одиночками, но даже группами—какъ участники революціоннаго движенія. Такимъ образомъ и министерству народнаго просвѣщенія приходится все далѣе, сначала по отношенію къ студентамъ, а теперь по отношенію къ народнымъ учителямъ, выступать на тотъ путь, который въ полицейской сферѣ выразился зубатовщиной, а въ министерствѣ финансовъ, — напр., мѣстными комитетами по сельско-хозяйственнымъ нуждамъ и проектомъ свободы стачекъ. Субъективно — для правительства это, можетъ быть, способъ, при помощи отвода въ другое мѣсто русла теченія, поддержать и укрѣпить царское самодержавіе, объективно—это, безъ сомнѣнія, пяченіе самодержавія назадъ передъ все усиливающимся напоромъ жизни, уступки передъ этимъ напоромъ и приближеніе къ той пропасти, гдѣ оно должно сгинуть. Ибо нѣтъ и не можетъ быть у нашего самодержавія такихъ ресурсовъ, чтобы успѣшно заниматься отводами руселъ въ желательномъ направленіи.

Что касается будущаго съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, то мы не знаемъ его количественный и качественный составъ, — можетъ быть, туда не мало попадетъ всякихъ казенныхъ «радѣтелей» этихъ обществъ, вродѣ инспекторовъ народныхъ училищъ или другихъ учебныхъ чиновъ, имѣющихъ какое-либо касательство къ обществамъ и работающихъ у себя дома надъ обезличеніемъ ихъ. Но даже если предположить, что съѣдутся исключительно настоящіе представители, изъ народныхъ учи-

телей и учительницъ, то и въ такомъ случаѣ трудно ожидать, чтобы изъ программныхъ занятій съѣзда вышло что-нибудь путное. Этому, во первыхъ, помѣшаютъ казенные церберы, а, во вторыхъ, общее отношеніе правительства къ народнымъ учителямъ, выражающееся ежечасно и въ правилахъ, вродѣ, напр., правилъ 26 ноября 1899 г. о мѣстныхъ учительскихъ съѣздахъ, и особенно на практикѣ. Наше самодержавное правительство роковымъ образомъ безсильно отдѣлаться отъ своихъ исконныхъ повадокъ ко всяческимъ подавленіямъ, какіе бы примирительные способы для отвлеченія населенія отъ революціонныхъ чувствъ оно само ни выдумывало.

А между тѣмъ учащимъ въ народныхъ школахъ уже давно пора разобраться въ своемъ положеніи и прійти къ надлежащимъ выводамъ. Но такая работа далеко выходитъ за предѣлы всякихъ оффиціальныхъ программъ и всякихъ разрѣшенныхъ съѣздовъ и должна производиться свободно, безъ спроса, какъ то дѣлаютъ рабочіе, за ними студенты и вообще живые элементы страны, стремящіеся въ своихъ классовыхъ или групповыхъ интересахъ прежде всего освободиться отъ теперешнихъ правительственныхъ тисковъ.

II

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою нынѣшній русскій народный учитель, считающійся у насъ во многихъ десяткахъ тысячъ населенія?

Про учителей писали много; писали и такъ называемые сочувствующіе люди — со стороны, писали и говорили про себя и сами учителя, но благодаря нашимъ условіямъ легальной печати и общественныхъ разговоровъ изъ этого до сихъ поръ ничего не выходило. И скоро вопросъ о положеніи народныхъ учителей сдѣлался у насъ пустымъ общимъ мѣстомъ. Посторонніе либеральные сочувствователи, въ сущности, мало заинтересованы въ серьезномъ улучшеніи положенія учителей; отмѣчая по прежнему по долгу службы возможныя безобразія въ условіяхъ учительской жизни, они успокоились на томъ, что выработали для нихъ мертвый шаблонъ подъ названіемъ «грустныхъ явленій». Что касается до самихъ учителей, то при

тѣхъ средствахъ, какія ими употреблялись до сихъ поръ, они тоже не могли сдвинуть съ мѣста своего дѣла и только безцѣльно обнажали свои язвы передъ публикой и жаловались на страданія.

Положеніе учащихъ въ народныхъ школахъ, даже на основаніи однихъ только данныхъ легальной печати, обрисовывается въ слѣдующемъ видѣ. Начнемъ съ матеріальнаго положенія.

Нѣтъ, вѣроятно, у насъ ни одной интеллигентной профессіи, которая оплачивалась бы такъ ничтожно, какъ профессія народныхъ учителей. За отсутствіемъ общихъ сводокъ, точно указывающихъ размѣры жалованья народныхъ учителей, мы ограничимся нѣкоторыми примѣрами. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1895 году, учащіе въ 109 школахъ Владимірской губ. (100 школъ земскихъ, 4 — частныхъ, 4 — городскихъ, 1 — приходская) получали въ среднемъ въ годъ: учителя — 259 руб., помощникъ (1) — 150 руб., учительницы — 245 руб., помощницы — 111 руб. 67 к. Въ Самарской губ. среднее жалованье — 329 руб.; въ Пензенской — среднее учителямъ 234 руб., учительницамъ — 113 руб.; въ Курской губ. среднее для учителей — 222 руб., для учительницъ — 229 руб.; въ Орловскій губ. среднее учителямъ — 233 руб., учительницамъ — 206 руб., помощникамъ — 122 руб., помощницамъ — 168 руб. И это въ наиболѣе благоустроенныхъ изъ сельскихъ школъ: почти исключительно въ земскихъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, въ отдѣльныхъ губерніяхъ (напр. Московской и Таврической) и для нѣкоторыхъ только группъ учащихъ жалованье достигало 480 рублей, но за то были цѣлыя группы учащихъ въ школахъ грамоты съ жалованьемъ въ 60 руб. въ годъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Тульская и Калужская) среднее жалованье учащихъ преимущественно изъ земскихъ школъ далеко не достигало 200 руб. въ годъ. Въ Смоленской губ. менѣе 200 руб. получали 60,5% учителей и 80,3% учительницъ. По даннымъ, собраннымъ въ 1896 году нижегородскимъ обществомъ взаимопомощи учителей, годовое жалованье учащихъ въ нижегородской губ. колебалось отъ 150 до 360 руб. — для учителя и учительницы и отъ 100 до 200 руб. — для помощника или помощницы. Съѣздъ дѣятелей по профессіональному образованію,

бывшій въ Москвѣ въ серединѣ 90-хъ годовъ, пришелъ къ заключенію, что minimum учительскаго вознагражденія долженъ равняться 240—300 руб., а между тѣмъ едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что въ настоящее время среднее годовое жалованье всѣхъ учащихъ (и помощниковъ) въ сельскихъ школахъ разнаго типа: земскихъ, церковно-приходскихъ и школахъ грамоты не достигаетъ даже 200 рублей.

Одинъ изъ учителей, характеризующій въ печати вышеприведенныя цифры жалованья нижегородскихъ учащихъ, сравниваетъ ихъ съ жалованьемъ провинціальныхъ дворниковъ, лакеевъ, поваровъ, кухарокъ, — принимаетъ въ разсчетъ готовое содержаніе послѣднихъ и ихъ доходы и съ завистью заключаетъ: «Если принять въ разсчетъ готовое содержаніе и эти доходы, то должно будетъ признать, что матеріальное положеніе домашней прислуги лучше положенія народнаго учителя или учительницы».

При такомъ вознагражденіи «просвѣтительской миссіи» въ деревнѣ, не говоря уже о все усиливающемся бѣгствѣ учителей на другія занятія, въ средѣ остающихся на своихъ мѣстахъ «просвѣтителей» разыгрываются слѣдующія явленія: одни изъ учащихъ, въ ущербъ своимъ прямымъ занятіямъ, стремятся обзавестись при школѣ землею, чтобы жить съ нея, другіе ищутъ «прикормка» въ различныхъ случайныхъ, конторскихъ и писарскихъ работахъ во время каникулъ и даже въ учебное время, иные не спѣшатъ выводить изъ обычая полуобязательныя приношенія крестьянъ учителю натурою, инымъ приходится прямо выпрашиватьсебѣ подачки у населенія или у отдѣльныхъ покровителей школы. При всемъ томъ огромному большинству учащихъ, въ особенности семейныхъ, приходится постоянно жить впроголодь и ограничиваться начальнымъ образованіемъ своихъ дѣтей, а иногда вовсе не давать имъ никакого образованія. За отсутствіемъ денегъ на покупку книгъ, массы учителей вынуждены питать свои культурно-просвѣтительскія свойства различными «Свѣтами», «Родинами», «Нивами», «Сельскими Вѣстниками» и пр., получаемыми на даровщину у окрестнаго населенія, или тѣмъ казеннымъ добромъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Въ голодные годы, подобно обезсилѣвшимъ крестьянамъ, цѣлыя группы

учащихъ попадаютъ въ разрядъ нуждающихся въ продовольственной помощи, а въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, которые тѣмъ и характерны, что они возможны, учителя замерзаютъ на дорогѣ, отправляясь пѣшкомъ въ сосѣднее село во время мятели, вынужденные «пожалѣть 25 коп. на подводу».

Но нѣкоторые учителя голодаютъ не только въ голодные годы, а и въ обыкновенное время. Объ этомъ у насъ привыкли разсказывать со смѣхомъ черезъ слезы, — съ тѣхъ «смѣхомъ черезъ слезы», которымъ такъ гордится наша русская литература, въ своемъ безсиліи подмѣнившая этимъ слезливымъ смѣхомъ естественное чувство негодованія, долженствовавшее бы, при болѣе нормальныхъ условіяхъ, встрѣчать всякое подобное явленіе жизни. Вотъ что разсказываетъ одинъ корреспондентъ *) о пріемахъ учителей въ ихъ борьбѣ съ голодомъ:

«Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ жалованье служащимъ выдается 20-го числа каждаго мѣсяца. Въ прочихъ же частныхъ учрежденіяхъ жалованье служащіе получаютъ 1-го числа. А на фабрикахъ и заводахъ заработокъ выдается два раза въ мѣсяцъ. Это дѣлается для удобства жизни, чтобы не прибѣгать къ кредиту. Здѣсь же учительское вознагражденіе не разлагается помѣсячно, а будетъ выдаваться въ видѣ пенсіи или пособія. Впрочемъ, да какъ и разлагать такое жалованье, какъ 40—50 руб. въ зиму, вѣдь въ мѣсяцъ пришлось бы всего 7—8 руб. Ну, а въ два то срока, такъ оно какъ будто бы и ничего....

— «Но чѣмъ же учитель будетъ существовать въ трехмѣсячный промежутокъ? — спросятъ меня читатели. — А вотъ чѣмъ.

«Сначала учитель будетъ должать обывателямъ и за хлѣбъ, и за соль, и за картофель. А въ концѣ концовъ и въ этомъ ему могутъ отказать.

— «Тогда что? — Тогда учитель долженъ будетъ изобрѣтать средства для своего пропитанія. На что и умъ данъ человѣку. А мало ли средствъ къ этому. Напр., учитель можетъ приказать дѣтямъ, чтобы всѣ оставшіеся куски хлѣба отъ обѣда рыть въ одну кучу,

*) «Образованіе», 1898 г. № 11 — «Голодное житье» (Изъ Гдовскаго уѣзда), стр. 63—64.

въ одинъ столъ. А когда дѣти уйдутъ, онъ можетъ питаться ими. Но и эта изобрѣтательность можетъ быть усмотрѣна обывателями, —и дѣтямъ будетъ воспрещено бросать хлѣбъ, а приносить его домой. Молъ, свинья съѣстъ... А послѣ этого? — А послѣ этого учитель можетъ просто выманивать у дѣтей хлѣбъ, мѣняя его на бумагу, перья, карандаши и пр. — А если въ школѣ и учебныхъ принадлежностей мало, то какъ тутъ быть?

— «Въ такомъ случаѣ учителю остается одно: бѣжать безъ оглядки на всѣ четыре стороны.

«Я зналъ учителя одной школы грамоты, получавшаго точно такое же мизерное жалованье и такъ же не помѣсячно, а въ два срока. Онъ жилъ сначала въ кредитъ, забирая съѣстными припасами у мѣстныхъ обывателей. А затѣмъ ему отказали въ этомъ,—молъ, деньги нужны. А жить до получки жалованья оставалось еще болѣе мѣсяца. Что тутъ дѣлать? Бѣднякъ учитель хотѣлъ было бѣжать, да одумался, потому что и бѣжать то ему некуда было. Онъ сталъ изобрѣтать средства къ жизни. И дѣйствительно скоро изобрѣлъ ихъ. Онъ каждый день въ обѣденное время придумывалъ новыя и новыя игры съ дѣтьми, во время которыхъ кое-что перепадало въ его голодный желудокъ. Въ одинъ день, напр., учитель изъ оставшихся кусковъ хлѣба у дѣтей складываетъ пирамиду. Въ другой — изъ нихъ чудную арку. Въ третій — устраивалъ памятникъ Суворову. Всѣ эти архитектурныя постройки онъ оставлялъ у себя и кормился ими. Но эти игры были усмотрѣны крестьянами и воспрещены въ виду того, что грѣшно играть даромъ божьимъ. Дѣти понесли куски домой, и учитель лишился насущнаго хлѣба. Но онъ не унывалъ. Разъ выдуманныя средства ведутъ къ дальнѣйшей изобрѣтательности. Онъ выдумалъ новую игру съ дѣтьми. На слѣдующій день дѣти садятся обѣдать, кто что принесъ изъ дому, а учитель прохаживается по классу. Вдругъ онъ неожиданно заявляетъ:

— «Дѣти! Хотите я вамъ покажу новую игру? — Покажите, покажите, Никаноръ Наумовичъ! кричатъ дѣти. — Ну такъ вотъ!... Я сяду на столъ, но кто изъ васъ попадетъ мнѣ блиномъ въ ротъ?... Дѣти рады новой забавѣ. Начинается стрѣльба въ цѣль. Летятъ

въ ротъ учителя куски блина, пирога, лепешки... Но не всякій стрѣлокъ можетъ попасть вѣрно въ цѣль: куски летятъ мимо. Но у учителя и на это имѣется сноровка. Онъ схватываетъ на лету промахи и кладетъ ихъ въ карманъ, говоря: — Это не въ зачетъ!... Стрѣляй снова!... И снова стрѣльба»...

— «Это фактъ!» — заканчиваетъ разскащикъ....

Возможность подобныхъ фактовъ какъ нельзя лучше объясняетъ, почему иногда даже въ рядовой крестьянской средѣ учителя воспитываютъ къ себѣ явное презрительное отношеніе. О буржуазныхъ элементахъ общества, умѣющихъ оцѣнивать людей только по ихъ доходамъ, нечего и говорить: для нихъ вся масса деревенскихъ просвѣтителей, — этихъ безсильныхъ человѣчковъ въ нанковой парѣ или въ заношенной юбкѣ, является особой, низшей породой, которой издали можно еще посылать лицемѣрныя улыбки поощренія за ихъ культурную работу, но съ которыми нельзя водиться, какъ съ равными, въ современномъ царствѣ капитала и классовыхъ буржуазныхъ нравовъ.

Если къ размѣрамъ вознагражденія прибавить еще жилищныя условія учащихъ: стереотипные «тѣсноту», «сырость» и «холодъ» учительскихъквартиръ, иногда даже отсутствіе всякихъ квартиръ при школахъ, съ необходимостью отыскивать себѣ помѣщеніе на деревнѣ, а также — условія самой работы въ школѣ со всѣми извѣстными и переизвѣстными ея антигигіеническими прелестями, влекущими за собой грудныя, горловыя, нервныя болѣзни и преждевременное изнашиваніе учащихъ, то будетъ легко представить себѣ всю вообще матеріальную обстановку дѣятельности сельскихъ учителей.

III

Но, можетъ быть, въ другихъ отношеніяхъ народнымъ учителямъ живется болѣе сносно,—можетъ быть, другія какія-либо стороны учительской дѣятельности покрываютъ собою всѣ крупные недочеты по матеріальной части?... Обратимся къ условіямъ самаго преподаванія, къ тому, какъ и чему именно учителя должны учить подростающія поколѣнія народныхъ массъ. Учительское дѣло буржуазные элементы об-

щества, со свойственнымъ имъ ханжествомъ, часто называютъ «святымъ дѣломъ» и, вѣроятно, поэтому такъ спокойно, ограничиваясь лишь лицемѣрно-благочестивыми вздохами, отправляютъ народнаго учителя въ его просвѣтительную миссію съ такимъ нищенски-жалкимъ запасомъ матеріальныхъ благъ: на томъ свѣтѣ все, молъ, вознаградится. И, дѣйствительно, если смотрѣть на вопросъ съ принципіальной стороны,—ни одна, можетъ быть, профессія не требуетъ столько напряженной умственной работы, такого тонкаго психическаго чутья, столько творчества, воодушевленія, самоотверженія и, какъ необходимое условіе всего предыдущаго, столько свободы дѣйствій, какъ профессія учительская, долженствующая внѣдрить въ подростающія поколѣнія квинтъ-эссенцію всего пережитаго человѣчествомъ, привить имъ наиболѣе жизненныя идеи и сдѣлать ихъ такимъ образомъ способными къ дальнѣйшимъ прогрессивнымъ шагамъ. Но такихъ условій для дѣятельности народнаго учителя, на самомъ дѣлѣ, еще нигдѣ нѣтъ, да и быть не можетъ при современномъ классовомъ господствѣ буржуазіи и при подавленіи стремленій народныхъ пролетарскихъ массъ. Даже въ наиболѣе культурныхъ западно-европейскихъ государствахъ господствующіе буржуазные классы ограничились тѣмъ, что въ мѣру своего буржуазнаго приличія пріодѣли народнаго учителя, умѣренно наполнили ему желудокъ и помѣстили его и учениковъ въ обширныхъ зданіяхъ,—иногда до степени особаго буржуазнаго тщеславія обширныхъ. Что же касается внутренняго содержанія этихъ зданій, до самыхъ школьныхъ программъ, то буржуазія не переходитъ въ нихъ того maximum'а, который нуженъ для нея самой, а именно, чтобы изъ школьника выходилъ хорошій рабочій, стоящій на уровнѣ техническихъ потребностей современнаго производства. А чтобы этотъ будущій рабочій по возможности меньше походилъ на человѣка изъ культурнаго демократическаго общества и являлся бы простымъ придаткомъ къ машинѣ на буржуазной фабрикѣ, буржуазія стремится вытравить изъ школы «политику», фальшиво называя этимъ именемъ ту степень свободы преподаванія, которая необходима для выясненія дѣтямъ трудящихся классовъ явленій жизни съ точки зрѣнія этихъ классовъ, т. е. съ широко-на-

родной точки зрѣнія. Въ то же время буржуазія нисколько не стѣсняется проводить черезъ народную школу свою политику, втискивая въ школьныя программы элементы націонализма, милитаризма, буржуазной морали и пр. Такимъ образомъ школьный народный учитель на Западѣ, какъ тисками, оцѣпленъ этими программами и тенценціями буржуазныхъ хозяевъ государствъ и тамъ нѣтъ мѣста творческой работѣ живого духа. Имѣющій относительную свободу двигаться въ рамкахъ буржуазныхъ условій, западноевропейскій школьный учитель, по существу своему, всетаки является безвольнымъ слугою буржуазныхъ требованій, долженствующій за недостаткомъ мѣста для собственной инціативы уныло влачить свое ремесленническое существованіе.

Если таково положеніе вещей на Западѣ, въ наиболѣе культурныхъ странахъ, то что же должно быть у насъ въ Россіи, съ ея бѣдной матеріальной и духовной культурой, и гдѣ-главное—еще виситъ надо всѣмъ такъ долго зажившееся царское самодержавіе, мѣшающее въ цѣляхъ самосохраненія свободной игрѣ различныхъ классовыхъ и групповыхъ интересовъ! Благодаря самодержавію наша народная школа гораздо бѣднѣй и уродливѣй, чѣмъ она могла бы быть даже при современномъ экономическомъ и культурномъ уровнѣ страны. Стоитъ только вспомнить для этого теперешнюю борьбу либеральныхъ, буржуазныхъ и землевладѣльческихъ, элементовъ за улучшеніе и расширеніе школьныхъ программъ. Если на Западѣ народная школа страдаетъ отъ господства капиталистическихъ классовъ, то у насъ она страдаетъ вдвойнѣ. Царское самодержавіе, могущее существовать только при невѣжествѣ и косности народныхъ массъ, самымъ безцеремоннымъ образомъ искусственно уродуетъ народную школу, сокращая до безобразнаго minimum'а ея прогамму, вводя такъ называемый грамматизмъ, церковщину въ ея худшемъ видѣ, фальсифицируя до наглости исторію и родиновѣдѣніе при помощи всякихъ «одобренныхъ» учебниковъ и школьныхъ библіотекъ и ревниво изгоняя всякую свѣжую мысль, всякое правдивое слово изъ школы.

Теперь представимъ себѣ положеніе сознательнаго учителя, который, приступая къ работѣ, еще остался

таковымъ, не смотря на всѣ стремленія правительства вытравить изъ него живой духъ еще въ зародышѣ, еще «оболванивая» его въ своихъ учительскихъ семинаріяхъ, спеціально настроенныхъ для приготовленія изъ будущихъ учителей простыхъ послушныхъ мастерковъ школьнаго дѣла,—несмотря на пропусканіе всѣхъ кандидатовъ въ учителя черезъ особое горнило «благонадежности». Однимъ изъ возмутительныхъ видовъ насилія, которое производитъ теперь одна часть человѣчества надъ другой, является насиліе въ области духа. А такое именно насиліе, да еще въ самой возмутительнѣйшей степени, ежечасно производитъ у насъ правительство надъ народными учителями, не только запрещая имъ въ ихъ творческой, по существу, работѣ свободно руководиться своими убѣжденіями, но прямо заставляя вкладывать въ юныя головы завѣдомую ложь и всячески уродовать юныя души казенными «вѣрноподданическими» чувствами. Предоставляемъ самимъ учащимъ, когда либо задумывавшимся надъ своимъ положеніемъ, вспомнить, сколько нравственной пытки на первыхъ порахъ, когда еще были свѣжи ихъ чувства, доставляли имъ подобныя условія дѣятельности въ школѣ.

Но правительство, конечно,не ограничилось тѣмъ. что только ввело этотъ порядокъ въ школѣ; самъ по себѣ, предоставленный воздѣйствію жизни, такой противоестественный порядокъ разлетѣлся бы въ прахъ въ первый же мѣсяцъ; его, слѣдовательно, нужно поддерживать насиліемъ. И вотъ тутъ то и начинается каторга повседневной жизни учителя, называемая на «допущенномъ» либеральномъ языкѣ «недостатками правового положенія народнаго учителя». Для поддержанія правительственныхъ правилъ и программъ, которыя, въ свою очередь, должны поддерживать царское самодержавіе, къ школамъ приставляются инспектора, а надъ ними директора народныхъ училищъ. Это не руководители по учебной части: наше самодержавное правительство давно уже потеряло способность выставлять какихъ либо руководителей, какихъ-либо положительныхъ дѣятелей. Это, какъ общее правило, допускающее, конечно, исключенія, — полицейскіе отъ министерства народнаго просвѣщенія и самый скверный изъ всевозможныхъ видовъ полицейскихъ,—

по нашему мнѣнію, даже хуже жандармовъ, такъ какъ послѣдніе дѣйствуютъ, во первыхъ, въ процессѣ борьбы, вылавливая явныхъ или тайныхъ борцовъ, а во вторыхъ, ихъ роль ограничивается тѣмъ, что они только препятствуютъ извѣстнымъ дѣйствіямъ, между тѣмъ инспектора народныхъ училищъ, во первыхъ, насильничаютъ надъ мирными культурными дѣятелями, а во вторыхъ, — и самое главное — не только препятствуютъ какимъ-либо дѣйствіямъ, но прямо заставляютъ учителей производить надъ головами учащихся цѣлый рядъ операцій, преступныхъ съ точки зрѣнія профессіональной педагогической этики. Вѣдь стоитъ только отрѣшиться на минуту отъ привычной тины, засасывающей наше общественное мышленіе, чтобы понять, что это за ужасный фруктъ — наша теперешняя правительственная система по отношенію къ начальному народному образованію!

Инспектора народныхъ училищъ, какъ всякая полицейская сила, по внутреннимъ условіямъ своего развитія имѣютъ роковую тенденцію еще болѣе и уже исключительно отъ себя увеличивать тотъ гнетъ, который послало ихъ творить правительство, они еще болѣе уродуютъ въ дурную сторону требованія правительства. На этой почвѣ для народнаго учителя разыгрывается цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, которыхъ даже и не перечислишь здѣсь. Достаточно упомянуть, что *иногда учителю, чтобы избѣжать горшаго, приходится защищать передъ инспекторомъ тѣ самыя правительственныя правила и программы, которыя уже сами по себѣ достаточно возмутительны.* И въ этой даже нелестной позиціи у учителя нѣтъ опоры, нѣтъ никакихъ правъ, и онъ часто остается побѣжденнымъ.

Учителю, чтобы освѣжать и пополнять свои знанія, необходимо имѣть библіотеку. Самъ онъ на свои средства, какъ мы видѣли, не можетъ пріобрѣтать книгъ. Учрежденія, содержащія школы*), готовы прійдти на помощь учителямъ, но тутъ они встрѣчаются

*) Вообще мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ земскія школы, какъ наиболѣе благоустроенныя; о школахъ духовнаго вѣдомства нечего и говорить: тамъ ко всему прочему прибавляется еще специфическій поповскій гнетъ.

съ правительственной заставой, цинично предлагающей устраивать учительскія библіотеки по особому каталогу «одобренныхъ» книгъ. А этотъ правительственный каталогъ «одобренныхъ для учителей» книгъ еще недавно былъ неизмѣримо ниже и бѣднѣе по своему составу каталога для народныхъ библіотекъ,—тоже, конечно, «одобреннаго»; даже и теперь, кажется, учительскій каталогъ, если исключить нѣкоторыя спеціальныя педагогическія сочиненія, не превзошелъ каталога народныхъ библіотекъ. Такимъ образомъ учителя въ лучшемъ случаѣ имѣютъ право читать то, что разрѣшено читать ихъ бывшимъ ученикамъ, прошедшимъ простую грамоту. Благодаря этимъ условіямъ и учрежденія, содержащія школы, не имѣютъ склонности попусту тратить деньги на учительскія библіотеки, и сами учащіе мало заинтересованы въ этихъ библіотекахъ, и онѣ имѣются только при незначительномъ меньшинствѣ школъ. Нѣкоторые либеральные обходы правительственныхъ требованій, вродѣ, напр., устройства земствами библіотекъ для всѣхъ земскихъ служащихъ, въ томъ числѣ и для учителей, очень мало распространены и не имѣютъ существеннаго значенія. И вотъ, правительственная система гасительства, выражающаяся въ данномъ случаѣ въ вытравленіи изъ народнаго учителя его преподавательскихъ и общекультурныхъ качествъ, торжествуетъ въ ужасающихъ размѣрахъ.

IV

Таково въ общемъ положеніе народнаго учителя въ его узкой преподавательской сферѣ. Но учитель, вѣдь, кромѣ того, съ позволенія сказать, — членъ общества; онъ живетъ въ извѣстной средѣ, и среда эта, на горе учителя,—крестьянская, пользующаяся особой опекой правительства отъ всякихъ культурныхъ воздѣйствій. Учитель, опять тоже на свое горе, не утратилъ еще въ общемъ мнѣніи клички просвѣтителя. А всякій просвѣтитель для нашего теперешняго правительства — врагъ. Отсюда сплошное заподозриваніе правительствомъ народнаго учителя и сплошная отдача его подъ надзоръ... — подъ чей надзоръ?... Да чуть ли не подъ надзоръ всего населенія, по крайней

мѣрѣ тѣхъ его элементовъ, которые желаютъ надзирать, благо у насъ въ обычаѣ перекладывать полицейскія функціи на само населеніе. Сначала за учителемъ, конечно, надзираетъ инспекторъ, но такъ какъ послѣднихъ мало и они сравнительно рѣдко могутъ видѣть на мѣстѣ учителей, то его трудъ раздѣляютъ, каждый по своей части: земскій начальникъ, мѣстный попъ, становой, урядникъ, старшина, волостной писарь, староста, сотскій, мѣстный помѣщикъ, богатый крестьянинъ, дружащій съ начальствомъ, — наконецъ, всякій, кому не лѣнь и кто недоволенъ по тому или другому поводу учителемъ и даже не недоволенъ, а просто изъза развлеченія.

Задумаетъ ли учитель что-нибудь сдѣлать для населенія, напр., устроить при школѣ чтенія, онъ прежде всего, помимо всякихъ оффиціальныхъ разрѣшеній, долженъ сообразить, не будетъ ли это наперекоръ чьему-либо желанію или вздорному предубѣжденію; прежде чѣмъ дать кому-нибудь совѣтъ, онъ долженъ обдумать, какъ на это посмотрятъ другіе; прежде чѣмъ пойти въ гости къ сосѣду-крестьянину, онъ долженъ взвѣсить, что изъ-за этого произойдетъ; прежде чѣмъ отказаться идти къ кому-либо, онъ долженъ тоже взвѣсить. Окруженный многочисленными наблюдателями, учитель пробуетъ устраниться отъ всякаго общенія съ населеніемъ и отправляется къ своимъ товарищамъ по профессіи, чтобы тамъ хоть отвести свою человѣческую душу — душу «общественнаго животнаго». Но и это нерѣдко бываетъ усмотрено и замѣчено, а иногда даже сочтено за участіе въ «недозволенномъ сборищѣ», за что слѣдуютъ перемѣщенія и увольненія.

Ни одна, можетъ быть, группа людей не обволакивается у насъ такой атмосферой сыска, доноса, всяческихъ противорѣчивыхъ понуканій, указокъ, угрозъ и застращиваній, какъ народные учителя. И все это происходитъ въ самой сѣрой, крестьянской средѣ съ ея многочисленнымъ невѣжественнымъ и полуневѣжественнымъ, казеннымъ, добровольческимъ и самозваннымъ начальствомъ.

Для либеральныхъ элементовъ, напр., для земствъ и частныхъ обществъ народный учитель представляется теперь почти единственнымъ «культурнымъ аген-

томъ» въ деревнѣ, черезъ котораго можно внѣдрять туда либеральную культуру; съ своей стороны, всякіе крѣпостническіе, самодержавные и православные элементы тоже считаютъ учителя своимъ агентомъ. И вотъ къ учителю съ той и другой стороны ползутъ безконечною полосою различныя противорѣчивыя требованія, порученія, просьбы, запросы,— и учитель, лишенный возможности хотя бы приблизительно знать свои права и обязанности, долженъ со всѣмъ этимъ считаться, изъ всего этого выворачиваться и всѣмъ по возможности угождать, такъ какъ, вѣдь, большинство требованій ползетъ отъ какого-нибудь «начальства», а если и отъ приватныхъ людей, то съ такимъ нравомъ, что они ничуть не постѣснятся въ случаѣ чего пропустить для большей убѣдительности свою «просьбу» черезъ одно изъ многочисленныхъ «начальствъ».

А надъ всѣмъ этимъ виситъ ближайшее учительское начальство — инспекція съ своими требованіями, подкрѣпляемыми хотя бы, напр., системой перемѣщеній учителей на худшія и лучшія мѣста, — системой, которая одна была бы въ состояніи довести учителей до бѣлаго каленія, если бы у нихъ могла только правильно циркулировать гражданская кровь.

По всему этому народный учитель въ настоящее время является, въ сущности, однимъ изъ наиболѣе загнанныхъ, запуганныхъ и одинокихъ людей нашей родины. Насъ могутъ упрекнуть, что здѣсь слишкомъ сгущены краски. Мы и сами готовы предупредить, что не думаемъ, чтобы большинство учащихъ чувствовало себя именно такимъ образомъ, какъ здѣсь изображено,—нѣтъ: массы учащихъ и по днесь продолжаютъ обывательски дѣлать свое дѣло — иногда морщатся, иногда вздыхаютъ, иногда даже поплачутъ, но также иногда улыбаются, даже смѣются.

Но все это мы объясняемъ, во первыхъ, тѣмъ общимъ гнетомъ который лежитъ на нашей родинѣ, не давая людямъ нормально чувствовать и правильно разбираться въ явленіяхъ, а, во вторыхъ, той особой тяжестью, которая навалена на народныхъ учителей и которая держитъ ихъ въ положеніи уродливаго minimum'а жизненности. Мы желали бы посмотрѣть, что бы произошло, если бы вдругъ, какимъ-либо чудомъ, тяжесть эта была нѣсколько приподнята надъ учите-

лями? Да, вѣдь, они тоттасъ же неистово и негодующе закричали бы даже по поводу только одной остающейся части давленія!

Намъ могутъ указать также, что у учителей имѣются съѣзды, педагогическіе курсы, общества взаимопомощи.... Ложь все это — эти съѣзды, курсы и общества! Такая же тожь, какая лежитъ въ основѣ огромнаго числа нашихъ культурныхъ учрежденій. Мы живемъ половиною нашей страны въ Европѣ, и Европа всячески проникаетъ къ намъ и подталкиваетъ насъ; наше царское самодержавіе, вопреки истиннымъ своимъ желаніямъ, должно считаться съ этимъ и устраивать у себя хоть какую нибудь видимость европейскаго. Для этого мы и на международныхъ выставкахъ участвуемъ съ своими фальшивыми отчетами по культурнымъ частямъ. Кромѣ того и внутреннее естетвенное развитіе страны, влекущее за собой накопленіе культуры, заставляетъ правительстео подаваться, хотя бы въ интересахъ самосохраненія. Но, подаваясь, оно не идетъ дальше внѣшней видимости, постоянно и намѣренно извращая внутренній смыслъ всякаго культурнаго учрежденія.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, по оплошности правительства, учительскіе съѣзды въ ихъ болѣе или менѣе разумномъ видѣ было выскочили на поверхность, но правительство скоро спохватилось и уничтожило ихъ. До 1899 г. на правительство продолжался напоръ требованій на учительскіе съѣзды. Въ этомъ году правительство яко бы подалось и издало правила о съѣздахъ. Но по этимъ правиламъ можно устраивать на самомъ дѣлѣ голько пошлую комедію на учительскіе съѣзды: такъ съѣзды могутъ быть только поуѣздные, только «кратковременные», не болѣе 7-ми дней, только непубличные, только подъ предсѣдательствомъ и руководительствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, только для «обмѣна мнѣній», безъ права голосованій и постановленій (выводы изъ «обмѣна мнѣній» имѣетъ право дѣлать только инспекторъ и директоръ народныхъ училищъ) и, наконецъ, только для уродливо узкой категоріи вопросовъ, далеко не обхватывающихъ и половину школьнаго дѣла. Кромѣ того даже и подобные съѣзды могутъ быть разрѣшены только по сношеніи между собою *четырехъ* правитель-

ственныхъ инстанцій, а, по обычной практикѣ правительства для всѣхъ нежелательныхъ учрежденій, разрѣшеніе на нихъ посылается только за нѣсколько дней до назначеннаго учредителями срока, а иногда и позже его, чтобы и этимъ путемъ помѣшать или самому осуществленію съѣзда, или его полнотѣ и организованности. Послѣ всего этого понятно, какой необъятный просторъ имѣютъ для себя всякіе правительственные ползуны въ качествѣ предсѣдателей и *руководителей* съѣздовъ разглагольствовать о «тяготѣніи русскаго народа къ церковно-славянскому языку» и о пользѣ для школьниковъ чтенія псалмовъ, въ которыхъ «недоступное ихъ (дѣтскому) разуму умилительно дѣйствуетъ на ихъ сердце», — какъ то было на послѣднемъ тверскомъ съѣздѣ учителей. Точно также понятно, почему даже земцы, не особенно брезгующіе обыкновенно различными правительственными уродцами, отказываются устраивать *такіе съѣзды*.

Въ такомъ же родѣ и педагогическіе курсы: они могутъ быть по правиламъ только «кратковременные», только для «малоподготовленныхъ» учителей, учителя на нихъ—только «ученики» для курсовыхъ начальниковъ и руководителей и т. д. А какъ они устраиваются на практикѣ, какъ урѣзываются ихъ программы, какъ, съ другой стороны, въ эти программы втискивается начальствомъ всякая самодержавщина и церковщина, какъ вытравляются изъ курсовъ болѣе или менѣе сносные руководители и лекторы, — обо всемъ этомъ можно достаточно найти и въ легальной печати. Почитайте, напр., статью Пругавина («Образованіе», 1902, сентябрь) — «Какъ у насъ устраивались педагогическіе курсы».

Учительскія общества взаимопомощи тоже не далеко ушли. О нихъ мы отчасти уже говорили. Успѣло было проскочить, въ началѣ 90-хъ годовъ, одно изъ обществъ — Нижегородское со своимъ собственнымъ уставомъ, хотя и составленнымъ по вѣрноподданически, очень скромно, но съ маленькими словечками среди цѣлей общества: «способствовать пополненію педагогическихъ знаній учителей» (или «ихъ духовному развитію»,—безъ устава въ рукахъ точно не помнимъ),— какъ тотчасъ же послѣ этого правительство поспѣшило съ своимъ «нормальнымъ» уставомъ, гдѣ уже

этихъ словечекъ о способствованіи знаніямъ не оказалось, а осталось одно способствованіе матеріальному улучшенію.

И съ тѣхъ поръ почти всѣ нѣсколько десятковъ учительскихъ обществъ ходятъ по «нормальному» уставу. Исключенія — очень рѣдки, какъ, напр., московское общество, имѣющее это исключительно цѣнное право —заботиться о пополненіи знаній. Да и то достигнуто благодаря обману, такъ какъ для этого ему нужно было назваться не обществомъ «взаимнаго вспомоществованія», какъ всѣ, а обществомъ «улучшенія быта учащихъ» и ловко обратиться за утвержденіемъ устава не къ министерству народнаго просвѣщенія, — опять таки какъ всѣ, а къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Таковы наши маленькія либеральныя хитрости для маленькихъ побѣдъ. Между тѣмъ всѣ «нормальныя» учительскія общества, конечно, подверглись своей неизбѣжной участи.

Правительство проникло туда черезъ «членовъ правленія по назначенію отъ учебнаго вѣдомства» и черезъ «членовъ-соревнователей» изъ учебнаго начальства и стало помыкать запуганными «сочленами» изъ учителей, какъ оно обыкновенно ими помыкаетъ. Въ одномъ мѣстѣ члены обществъ могутъ пользоваться пособіями, но не могутъ брать ссудъ, въ другомъ — обществамъ не дозволяется устраивать общежитій для дѣтей учителей и т. д. Подробныя исторіи этихъ помыканій и запретовъ можно найти въ отчетахъ многихъ учительскихъ обществъ, — рекомендуемъ любопытнымъ взять, напр., отчеты Новгородскаго общества или Тульскаго. И такое помыканіе происходитъ, безъ сомнѣнія, и понынѣ.

Такимъ образомъ отъ всѣхъ мѣстъ собранія учителей: на съѣздахъ, на курсахъ и въ обществахъ въ лучшемъ случаѣ можетъ остаться одно положительное: —возможность общенія, которая и притягиваетъ все-таки на эти собранія учителей. Но это только въ лучшемъ случаѣ. Извѣстный либеральный предводитель дворянства — г. Стаховичъ, открывая въ Орлѣ курсы для учителей, опредѣлилъ ихъ значеніе еще такимъ образомъ: по его мнѣнію, губернское земство, помимо чисто-педагогической цѣли, ставило курсамъ еще и другую задачу, а именно: помочь учителямъ

«побороть ту унылую усталость, которая является постояннымъ спутникомъ трудной учительской дѣятельности и отъ которой остываетъ пылъ, опускается умъ...» Мы думаемъ, что и эти даже, такъ сантиментально выраженныя задачи далеко не всегда достигаются, ибо нерѣдко само общеніе, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно у насъ осуществляется, способно вызвать не бодрость, а именно эту «унылую усталость».

Намъ еще могутъ, наконецъ, замѣтить, что у учителей есть не только враги, но и друзья,—напримѣръ, либеральные земцы, которые хлопочутъ о курсахъ для учителей, о съѣздахъ, помогаютъ учительскимъ обществамъ взаимопомощи и говорятъ мягкія слова объ унылой усталости... Ненадежные это друзья и слишкомъ временные! Искренность и цѣнность этихъ друзей, во первыхъ, провѣряется самими учителями при ихъ сношеніяхъ съ земцами; о цѣнѣ своихъ друзей учителя довольно безошибочно могутъ судить хотя бы по тому фальшивому положенію, которое сплошь и рядомъ чувствуется ими при встрѣчахъ съ своими покровителями изъ баръ, относящимися къ учителямъ, какъ, напр., къ своимъ гувернанткамъ и боннамъ, съ мягкими словами и внѣшней улыбкой при нескрываемомъ внутреннемъ холодѣ, а иногда прямо — брезгливости. Во вторыхъ, и нѣкоторые объективные факты, изрѣдка проскальзывающіе въ нашей либеральной печати, несмотря на обычное стремленіе послѣней прикрывать разные либеральные грѣшки, также иногда освѣщаютъ истинныя качества этихъ учительскихъ друзей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ московскомъ земствѣ, которое, какъ извѣстно, считается однимъ изъ лучшихъ по постановкѣ народнаго образованія, нашлась цѣлая группа вліятельныхъ гласныхъ, составившая большинство въ спеціальномъ совѣщаніи, которое признало, что не слѣдуетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ распоряженія министра народнаго просвѣщенія въ 1885 году относительно запрещенія учительскихъ съѣздовъ. При этомъ совѣщаніе ссылалось, во 1-хъ, на неподготовленность учителей, чтобы принимать участіе въ самостоятельномъ рѣшеніи различныхъ школьныхъ вопросовъ, во 2-хъ, на возможность возникновенія конфликтовъ между постановленіями учительскихъ съѣздовъ и училищными совѣтами. На

рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи зашла рѣчь о земской учительской семинаріи. На замѣчанія ревизіонной коммиссіи по поводу очень дурного питанія и вообще содержанія учениковъ семинаріи, управа объяснила, что при открытіи семинаріи установленъ былъ такой режимъ, «чтобы ученики не могли привыкнуть къ роскоши... Нужно принимать во вниманіе ихъ будущіе оклады жалованья, какъ сельскихъ учителей; *они должны быть готовы къ перенесенію всѣхъ жизненныхъ невзгодъ*».

Съ одной стороны, — пустыя слова о помощи въ борьбѣ съ «унылой усталостью», съ другой—реальная подготовка учителей посредствомъ особаго голоднаго режима къ «перенесенію всѣхъ жизненныхъ невзгодъ», которыя слѣдовательно признаются правильною нормою учительскаго существованія, — такова двуликая дружба теперешнихъ друзей народнаго учителя. Впрочемъ, сами учащіе могли бы, безъ сомнѣнія, привести гораздо больше и несравненно болѣе яркихъ примѣровъ подобной дружбы изъ ненапечатанныхъ въ либеральной печати фактовъ жизни.

Для земцевъ, какъ и вообще для разныхъ либеральныхъ, буржуазныхъ и землевладѣльческихъ, элементовъ народная школа и учитель являются лишь своего рода козыремъ въ ихъ борьбѣ съ самодержавіемъ.

Такими же козырями служатъ для нашей буржуазной оппозиціи и всѣ другія культурныя учрежденія; ими она тычетъ сомодержавію въ глаза, говоритъ отъ имени ихъ интересовъ, но на самомъ дѣлѣ не идетъ далѣе того, что ей нужно исключительно самой, — этой буржуазной оппозиціи.

Въ нашемъ случаѣ земцы, чтобы они тамъ ни говорили и какой бы мути не напускали въ вопросы, хлопочутъ о народной школѣ и ея учителяхъ лишь постольку, поскольку это необходимо для ихъ собственнаго благополучія, какъ землевладѣльческаго класса.

До того, чѣмъ должна быть народная школа для самого народа и учитель для самого себя, имъ, въ сущности, мало дѣла. Это достаточно ясно и сегодня, когда земцы находятся еще въ разрядѣ угнетаемыхъ, и будетъ совершенно очевиднымъ завтра, когда они сдѣ-

лаются господами положенія. Буржуазный maximum для народной школы и ея учителя, какъ мы видимъ на примѣрѣ Западной Европы, является едва терпимымъ minimum'омъ съ точки зрѣнія интересовъ самого народа и самого учителя. И подымается этомъ minimum только съ выступленіемъ на сцену *самого народа, самого учителя и со своими собственными требованіями.*

А пока *послѣдняго* нѣтъ, школѣ и учителю, повторяемъ, приходится играть роль пассивныхъ козырей въ чужихъ рукахъ и для *посторонних* цѣлей.

V

Наши учительскія общества въ шутку (у насъ многимъ шутятъ) иногда называютъ обществами взаимопомощи голодающихъ. А единственный разумный способъ дѣйствій голодающихъ и всякихъ угнетаемыхъ есть *борьба*, — дружная борьба со своими угнетателями за право человѣческихъ условій житья. Взаимопомощь угнетаемыхъ должна заключаться во взаимной поддержкѣ другъ друга для борьбы, въ организованности этой борьбы и въ солидарности между собою во имя ея.

Въ настоящее время наши народные учителя и учительницы слагаются въ особую профессіональную групу; интересы этой группы некому защищать кромѣ самихъ учителей: они сами должны сплотиться и выработать соотвѣтственную организацію для борьбы за улучшеніе своего положенія. Могутъ возразить, что учительская среда, въ своей массѣ, слишкомъ сѣра для этого и слишкомъ въ ней много случайныхъ, временныхъ элементовъ, вродѣ разныхъ кандидатовъ на мѣста *поповъ*, конторщиковъ, сидѣльцевъ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ и пр. Все это совершенно вѣрно, но, съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что только въ процессѣ самой борьбы за свои интересы и можетъ настоящимъ образомъ сплачиваться и укрѣпляться профессіональный типъ учителя: каждая побѣда влечетъ за собой экономическій или правовой подъемъ этого типа, устраняя тѣмъ необходимость того повальнаго бѣгства на другія мѣста, какое наблюдается теперь: каждый дальнѣйшій шагъ въ борьбѣ,

объединяя борцовъ, препятствуетъ проникновенію въ учительскую среду всякихъ случайныхъ и нежелательныхъ элементовъ. Борьба на почвѣ профессіональныхъ интересовъ есть начало выступленія народныхъ учителей, какъ особой группы, на общественное поприще.

Но при помощи одной профессіональной борьбы учителя еще не добьются многаго. Въ настоящее время при классовомъ устройствѣ государствъ, всякая экономическая и профессіональная борьба неизбѣжно должна соединяться съ борьбой политической. Особенно это неизбѣжно у насъ въ Россіи, гдѣ на пути къ стремленію отдѣльныхъ классовъ и группъ бороться за свои интересы стоитъ еще крѣпостническое царское самодержавіе, надъ которымъ поставленъ поэтому окончательный вопросъ. Наиболѣе сознательное и чуткіе изъ учителей, повидимому, уже поняли потребности момента, такъ какъ свободная печать все болѣе и болѣе приноситъ свѣдѣній о выступленіи учителей въ качествѣ революціонеровъ. Остается, слѣдовательно, дѣло за общимъ групповымъ сознаніемъ.

Здѣсь опять таки, вѣроятно, замѣтятъ, что народные учителя, какъ особая группа, слишкомъ слабы, чтобы самостоятельно выступать на политическую борьбу. Мы тоже, конечно, не думаемъ, что учителя могутъ выставить свои особыя политическія требованія. Но учителямъ необходимо рѣшить, къ кому имъ примкнуть, съ какимъ изъ борящихся классовъ соединить свою судьбу и отъ имени какого класса дѣйствовать. Въ этомъ именно рѣшеніи и заключается центръ тяжести учительскаго вопроса.

Въ настоящее время учащіе въ народныхъ школахъ по своему экономическому положенію представляютъ собою одну изъ наиболѣе обездоленныхъ группъ интеллигентнаго пролетаріата; въ этомъ отношеніи они близко подходятъ къ широкимъ пролетарскимъ массамъ, продающимъ свой мускульный трудъ. Съ послѣдними учителя раздѣляютъ и другіе виды гнета: всяческія унизительныя подчиненія, безправіе, произволъ и пр. Отсюда у учащихъ естественно должны возникнуть и общія съ пролетарскими массами чувства вражды къ своимъ угнетателямъ. Съ другой стороны, прочный экономическій подъемъ учителей въ наиболѣе существенной своей части зависитъ отъ об-

щаго экономическаго подъема народныхъ массъ и отъ степени пониманія послѣдними хозяйственной нужды въ образованіи; расширеніе правъ народнаго учителя также неразрывно связано съ расширеніемъ правъ самого народа, ибо правящіе классы не могутъ потерпѣть, чтобы учитель, въ качествѣ проводника культуры и сознанія въ массы, пользовался полной свободой дѣйствій среди народа, который еще не сбросилъ съ себя тисковъ безправія: при безправіи массъ народный учитель является для всякихъ угнетателей очень опаснымъ элементомъ, и его самого постоянно будутъ давить въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ—въ сферѣ преподаванія и въ сферѣ отношеній къ взрослому населенію.

Такимъ образомъ для народнаго учителя, будь то въ деревнѣ, или въ городѣ, гдѣ положеніе учителя немногимъ отличается къ лучшему сравнительно съ деревней, является наиболѣе выгоднымъ связать свою судьбу съ народными массами, согласовать свои интересы съ ихъ интересами и совмѣстно выступить на борьбу за болѣе человѣческія условія существованія. Учитель по своему развитію стоитъ выше народныхъ массъ; проникшись ихъ интересами и сдѣлавъ ихъ своими, онъ можетъ внести правильное сознаніе въ эти массы. Только при этихъ условіяхъ учитель можетъ считаться культурнымъ дѣятелемъ въ строгомъ значеніи этого слова. Борясь въ рядахъ народа противъ всякихъ угнетателей, онъ перестанетъ быть одинокимъ какъ теперь, когда ему порою приходится отвѣчать на соотвѣтственные вопросы, что у него отношенія съ населеніемъ «оффиціальныя» или даже: «отношеній никакихъ». Онъ будетъ окруженъ друзьями изъ лучшихъ элементовъ населенія, обязанныхъ ему своимъ политическимъ сознаніемъ и проникнутыхъ общими съ нимъ стремленіями.

Конечная цѣль начавшагося пролетарскаго движенія—это соціализмъ, съ его уничтоженіемъ классового господства, прекращеніемъ угнетенія человѣка человѣкомъ и царствомъ равенства всѣхъ трудящихся людой. Чтобы остаться истиннымъ народнымъ руководителемъ на всемъ пути до конечной цѣли, учителю необходимо самому усвоить принципы научнаго соціализма. Соціалистическое сознаніе поможетъ учителю разбираться въ окружающихъ явленіяхъ, оцѣнивать

ихъ съ точки зрѣнія широкихъ народныхъ интересовъ и подскажетъ ему тѣ или другіе практическіе шаги. Оно должно послужить для учителя методомъ разсматриванія общественныхъ явленій и руководителемъ въ его дѣйствіяхъ.

Въ настоящее время у насъ въ Россіи главнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія страны является царское самодержавіе. Городской рабочій пролетаріатъ, натолкнувшись въ своемъ классовомъ движеніи на это препятствіе, начинаетъ открыто вступать въ борьбу съ нимъ. Крестьянскія массы, стихійно подымающіяся, чтобы освободиться отъ нестерпимаго гнета, лежащаго на нихъ, также, съ своей стороны, способствуютъ разрушенію самодержавія. Противъ самодержавія выступаютъ и различные буржуазные и землевладѣльческіе элементы. Вопросъ о сверженіи самодержавія и замѣнѣ его новымъ государственнымъ строемъ поставленъ такимъ образомъ на ближайшую очередь. Народнымъ учителямъ необходимо воспользоваться этимъ моментомъ въ интересахъ широкихъ трудовыхъ массъ: разъяснить имъ значеніе этого момента, указать на естественныхъ друзей и союзниковъ, предупредить отъ явныхъ или скрытыхъ подъ личиной благожелательства враговъ и вообще способствовать организаціи массъ для борьбы съ самодержавіемъ такимъ образомъ, чтобы борьба эта велась исключительно въ интересахъ самихъ массъ, въ цѣлахъ полученія ими при новомъ строѣ возможно большей свободы, необходимой для дальнѣйшей борьбы за соціализмъ.

Только съ осуществленіемъ соціалистическаго строя уничтожится дѣленіе человѣчества на угнетаемыя массы и угнетающее меньшинство и только тогда народный учитель окончательно превратится изъ «маленькаго человѣчка» *въ человѣка равнаго среди равныхъ.*

W.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія соціал-демократической организаціи «Жизнь»:

ЖУРНАЛЪ «ЖИЗНЬ» И «ЛИСТКИ ЖИЗНИ».

«**Жизнь**» No. 1, апрѣль. 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол., 3 шведск. крон. 65 ор.

«**Жизнь**» No. 2, май, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол., 3 шведск. крон. 65 ор.

«**Жизнь**» No. 3, іюнь, 1902 года. Цѣна 1 руб. 90 коп., 5 фр., 4 марк., 5 крон., 4 шил., 1 дол . 3 шведск. крон. 65 ор.

«**Жизнь**» No. 4, іюль, 1902 года. Цѣна 1 р. 15 к., 3 фр., 2 марк. 35 пф., 3 крон., 2 шил., 4 пен., 60 цент., 2 шведск. крон. 15 ор.

«**Жизнь**» No 5, августъ, 1902 года. Цѣна 1 руб. 15 коп., 3 франка, 2 марки 35 пфениговъ., 3 кроны, 2 шиллинга 4 пен., 60 цент., 2 шведск. крон. 15 ор.

«**Жизнь**» No 6, сентябрь-декабрь, 1902 года. Цѣна 1 руб. 15 коп., 3 франка, 2 марки 35 пфен., 3 крон., 2 шил. 4 пен., 60 центовъ, 2 шведск. крон. 15 ор.

«**Первое Мая**» майскій иллюстр. листокъ «Жизни». Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пенс., 20 цент., 80 шведск. ор.

Листки «Жизни» NoNo. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Цѣна каждаго 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

— No 11 и 12. Цѣна каждаго 10 коп., 25 сант., 20 пф., 25 гел., 2 1/2 пен., 5 цент., 20 шведск. ор.

БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ».

No. 1. «**Ткачи**», драма Г. Гауптмана, съ 2 иллюстраціями. Цѣна 80 коп., 2 фр., 1 марк. 65 пф., 2 крон., 1 шил. 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 2. «**Бебель о Бернштейнѣ**», съ портретомъ А. Бебеля. Цѣна 80 коп., 2 фр., 1 марк. 65 пф., 2 крон., 1 шил. 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 3. «**Пролетаріатъ и Армія**», Г. Лагарделя. Цѣна 80 коп., 2 франка, 1 марка 65 пфен., 2 кроны, 1 шиллингъ 8 пен., 40 цент., 1 шведск. крон. 50 ор.

No. 4. «**Изъ жизни духовенства**» (сборникъ). Цѣна 60 коп., 1 фр. 50 сант., 1 марк. 20 пф., 1 кр. 50 гел., 1 шил. 2 пен., 30 цент., 1 шведск. крон. 15 ор.

No. 5. «**Сказка про то, какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться**», П. Барыковой. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цента, 8 шведск. ор.

No. 6. «**Благотворительность**», Разсказъ П. Гези, Перев. съ французск. А. М. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 7. «**Дѣло Павловскихъ крестьянъ**». Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пен., 30 цент., 80 шведск. ор.

No. 8. **«Общество „Земля и Воля»**, Е. Серебрякова. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 крон., 10 пен., 20 цент., 80 шведск. ор.

No. 9. **«Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ»**, Л. Плохоцкаго (2-ое изданіе). Цѣна 20 коп., 50 сант., 40 пф., 50 гел., 5 пен., 10 цент., 40 шведск. ор.

No. 10. **«Стачка и бойкотъ»**. Цѣна 10 коп., 25 сант., 20 пфен., 25 гел., $2^1/_2$ пен., 5 цент., 20 шведск. ор.

No. 12. **«Горе Натальи»**, разсказъ В. Л. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 13. **«Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-ыхъ годовъ»**, Петербуржца. Цѣна 60 коп., 1 фр. 50 с., 1 марка 20 пфен., 1 крон. 50 гел., 1 шил. 2 пен., 30 центовъ, 1 шведск. крона 15 ор.

No. 14. **«Бунтъ въ Горанахъ»**, Вл. Дебогорія-Мокріевича. Цѣна 40 коп., 1 фр., 80 пф., 1 кр., 10 пен., 20 цент., 80 шведск. ор.

No. 15. **«Національно-политическая жизнь прусской Польши»**, Л. Плохоцкаго (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен. 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 16. **«На прямой путь»**, W. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», N_0 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шведск. ор.

No. 17. **«Значеніе сектантства для современной Россіи»**, В. Д. Бончъ-Бруевича (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1) Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел., 3 пен., 6 цент., 25 шв. ор.

No. 18. **«Разгромъ политики сердечнаго попеченія»**, W. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 5 к., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

No. 19. **«Изъ исторіи франко-русскаго союза»**, В. П. (отдѣльный оттискъ изъ «Жизни», № 1). Цѣна 12 коп., 30 сант., 25 пф., 30 гел.. 3 пен., 6 цент., 25 швед. ор.

Проектъ программы Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, выработанный соціалдемократической организаціей «Жизнь», 2-ое изданіе. *(Высылается безплатно.)*

Освобожденная «Жизнь», 2-ое изданіе. *(Высылается безплатно.)*

ПОРТРЕТЫ И КАРТИНЫ.

1. **А. Бебель,** портретъ. Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
2. **Л. Н. Толстой на берегу моря.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
3. **Соціалдемократія и самодержавіе** (большого форм.). Цѣна 10 коп., 20 сант., 20 пф., 20 гел., 3 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
4. **Возставшій народъ съ убитыми товарищами передъ окнами прусскаго короля.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

5. **Матильда Хицфельдъ на Кирхеймболяндеиской баррикадѣ.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
6. **Демократъ Якоби и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
7. **Памятникъ Муравьеву-Вѣшателю.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
8. **Галлифэ по пути въ Версаль выбираетъ плѣнныхъ коммунаровъ для разстрѣла.** Цѣна 8 коп., 15 сант., 15 пф., 15 гел., 1½ пен., 4 цент., 10 шведск. ор.
9. **Месть версальцевъ.** Цѣна 8 коп., 15 сант., 15 пф., 15 гел., 1½ пен., 4 цент., 10 шведск., ор.
10. **Жертвамъ революціи.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
11. **Смерть ссыльной.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 фен., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
12. **Взятіе Бастиліи.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
13. **Ткачи разрушаютъ машины.** Цѣна 5 коп., 10 сант. 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
14. **Голодный тифъ у силезскихъ ткачей.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.
15. **Свобода ведетъ народъ.** Цѣна 5 коп., 10 сант., 10 пф., 10 гел., 1 пен., 3 цент., 8 шведск. ор.

Печатаются:

Листки „Жизни“, No. 13.
No. 11. **„Рабочіе союзы“.**
No. 20. **«Политика и офицеры»**, Е. Серебрякова.

Отъ издательства соціалдемократической организаціи „Жизнь“.

Всѣ пожертвованія, деньги за литературу, рукописи и всю вообще *корреспонденцію изъ заграницы* просимъ направлять *исключительно* по слѣдующему адресу:

«La Vie», 116, rue de Carouge, Genève, Suisse.

Просимъ обратить вниманіе на перемѣну адреса.

Изъ Россіи рукописи и деньги слѣдуетъ посылать намъ черезъ знакомыхъ, живущихъ заграницей.

Типографія «Жизни», 116, rue de Carouge, Genève, Suisse.